

Новые Известия - 2002 - 31 авг - с. 6 Летопись, сложенная из секунд

Выставка к 90-летию Дмитрия Бальтерманца в московском Доме фотографии

**Дмитрий СМОЛЕВ,
для «Новых Известий»**

Персоналка одного из мэтров советской фотожурналистики получилась обширной, но даже она вряд ли даст представление об объемах и масштабах сделанного Бальтерманцем. За полвека интенсивной работы где он только не оказывался и что только не снимал: пекла Второй мировой, ударные стройки, объятия и похороны вождей, вьетнамские деревни, парижские витрины, грандиозные «птичьи базары» на краю земли...

Где кончается репортаж и начинается искусство, никто не скажет точно. Бальтерманц даже не был приверженцем определенного направления, конструктивистского или пикториального: к началу его карьеры все эстетические баталии уже угасли перед лицом соцреализма. Применить всепобеждающий творческий метод на практике и предлагалось выпускнику мехмата МГУ, бредившему фотографией. В 1939 году ему позвонили из «Известий» насчет ответственной командировки: надо было запечатлеть то безмерное ликование, с каким Западная Украина встречает вступление советских войск согласно пакту Молотова — Риббентропа. Снимки, привезенные Бальтерманцем из первой поездки, не сохранились, но судьба его тогда оказалась определена.

Мастерство оттачивалось на ходу, причем в таких условиях, которые слово «экстремальные» не описывает совершенно. Знаменитая «Атака», заснятая в гуще боя, стала выразительным символом, но в экспозиции есть и другие кадры военных лет — может быть, менее удачные, зато позволяющие оценить безрассудный репортерский риск. Однако главная опасность подстерегала в тылу. В 1942-м произошел случай, невообразимый и показательный одновременно. Вернувшись в редак-

ДМИТРИЙ БАЛЬТЕРМАНЦ

ДМИТРИЙ БАЛЬТЕРМАНЦ

цию из-под Сталинграда, фотограф развесил сушиться на ночь проявленные пленки — свежие впрямую с давними. Без его ведома в номер поставили один из кадров за подписью: «Пленные немцы под Сталинградом». Днем обнаружилось, что фоном на снимке служит зимний подмосковный пейзаж — и капитан Баль-

терманц, разжалованный в рядовые, отправляется на передовую, в штрафной батальон. Только тяжелое ранение убергло его от верной гибели. После госпиталя до конца войны он работал во фронтовой газете, даже не помышляя о центральной прессе.

В элиту опального фотографа вернул главный редактор «Огонь-

ка» Алексей Сурков. С этого времени творческий путь Бальтерманца уже не омрачался никакими катаклизмами. Свидетельством устойчивости его положения могут служить снимки из серии «Шесть генеральных...»: Сталин на трибуне мавзолея, Хрущев с початком кукурузы в руках, Черненко перед накрытым столом, Горбачев на переговорах с Рейганом... Удивительно, но свою должность заведомо иллюстраций в «Огоньке» он сохранил даже при Виталии Коротиче, когда журнал резко поменял идейные ориентиры. Профессионализм оказался более существенным аргументом, чем вольнодумные настроения. Впрочем, развала СССР Бальтерманц уже не увидел и хотя бы поэтому навсегда остался летописцем советской эпохи.

Можно спорить, был ли он советским фотографом по существу. Устроители выставки считают, что нет, но тогда неизбежно возникает вопрос: кого же относить к этой категории, если не Бальтерманца? Пожалуй, объединить позиции способен тезис о том, что соцреализм никогда не существовал как самостоятельный стиль, а служил лишь закланием и карательным инструментом. Произведения искусства советской эпохи в большей мере подчиняются всеобщим эстетическим законам, чем установкам партии и правительства — независимо от намерений авторов. И работы Дмитрия Бальтерманца — чем дальше, тем определеннее — будут рассматриваться с точки зрения композиции, выразительности и других профессиональных критериев. Не говоря о том, что фиксация неповторимых моментов всегда обладает хроникальной ценностью. Утверждение, что Бальтерманц «написал свою историю страны», отдает гиперболой, но для объемного представления об этой недавней истории его работы просто необходимы.